

коллектива и не входило сопоставительное изучение всех славянских словообразовательных систем *в целом*.

Созданный авторским коллективом под руководством И.Онхайзер труд представляет собой беспрецедентное явление современной славистической науки и можно только пожелать инициатору серии сопоставительных исследований систем и функционирования славянских языков проф. Ст. Гайде дальнейших успехов в осуществлении выпуска последующих томов издания.

МАРГАРИТА КОЖИНА

NAJNOWSZE DZIEJE JĘZYKÓW SŁOWIAŃSKICH. JĘZYK POLSKI, RED. NAUKOWY S. GAJDA
Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Polskiej, Opole, 2001, 540 ss.

В 2001 году в издательстве Опольского университета вышел из печати очередной том серии публикаций под общим названием «Новейшая история славянских языков». Этим изданием, посвященным польскому языку, практически завершается уникальное, без преувеличения, научно-исследовательское предприятие, ставшее, на наш взгляд, в ряд выдающихся достижений современной славистики.

Серия была задумана, вероятно, как приуроченное к «рубежу веков» обобщение наблюдений над языковыми процессами в славянском мире. При всей условности так называемых круглых дат, нельзя не согласиться, что 20 век, а в особенности его вторая половина, были временем настолько динамичным, настолько насыщенным событиями мирового значения, что многие народы – их материальная и духовная культура, их образ мыслей, а стало быть, и их языки – за это относительно короткое время претерпели изменения, для которых в прошлые эпохи потребовалось бы не одно столетие.

Мировые войны, социальные потрясения и научно-технические революции 20 века вызвали весьма активные процессы в интеллектуально-духовной деятельности и обусловили динамичные изменения в языках мира. Сказанное более всего, вероятно, справедливо применительно к славянскому

лингвокультурному ареалу – не только потому, что славянский мир был и остается ареной взаимодействия различных этнических культур и общественных течений, но и в силу того, что волею исторических судеб именно славянские страны оказались в эпицентре социальных катастроф.

Конечно, фонологическая система (но не произносительные нормы) языка, его грамматическое и лексическое ядро не могут измениться сколько-нибудь существенно при жизни «смежных» (3-х – 4-х) поколений. Но «мягкая грамматика» речевых жанров, языковые особенности функциональных стилей и социолектов более подвижны (потому хотя бы, что в этой сфере язык часто оказывается объектом регулирования – языковой политики).

Естественно, что наиболее существенными оказались изменения в области лексики и фразеологии тех или иных функциональных стилей, в функционировании языка в различных сферах социально-речевой деятельности (ср. так называемый «новояз» тоталитарного общества). Не случайно серия монографий, обобщающих наблюдения над изменениями в славянских языках новейшего времени, издается в Опольском университете – в одном из признанных центров польской стилистики.

Начинается том с краткого изложения теоретических и методологических основ описания. Отмечается, что «лингвистический исследовательский фронт» в настоящее время охватывает как языковую систему, так и функционирование языка в познавательной деятельности и в коммуникативных процессах. Вместе с тем лингвисты осознают, что сложность языковой системы, многообразные связи ее с «антропологической действительностью» в целом не позволяют им рассчитывать на то, что они самостоятельно, без участия представителей смежных наук, способны описать язык вполне и адекватно (с. 18).

Как подчеркивает автор вступительного раздела Станислав Гайда, прошлое языка небезразлично к его современному состоянию, а потому характеристика ситуации, в которой находится современный польский язык, предваряется сжатым обзором его исторических судеб и унаследованных традиций.

Особенности функционирования и развития польского языка в 19 веке обуславливались тем, что для поляков язык был не только средством общения в разных сферах (причем в сфере административной он испытывал временами немалое давление со стороны немецкого и русского языков), но и символом этнической самостоятельности (ср. лозунг *Народ жив, пока жив его язык*). И именно 19 век

стал временем «стабилизации и нормализации общепольского языка» и периодом расцвета польской литературы, осознававшей свою особую роль в судьбах польского народа и его языка» (с. 29).

Авторы рецензируемого исследования опираются на одно из ключевых для современной лингвистики положений, согласно которому важнейшую роль в языковых процессах играет взаимодействие национального языка с духовной культурой (с. 33), а потому изменения, которые произошли в польском языке в новейшей истории, описываются в широком социально-культурном контексте, т.е. с учетом связей языка с идеологией, политическими и экономическими системами, с общественными структурами и общественным сознанием (культурой). В соответствии с этим новейшая история польского языка (от 1945 г.) рассматривается по периодам, ознаменованным различными социально-политическими событиями.

В числе важнейших социокультурных факторов, влияющих на функционирование и развитие языка в современных условиях, называются такие, как демографический взрыв и возрастающая социальная и территориальная мобильность людей, формирование интернациональных объединений, надгосударственных организаций, улучшение условий жизни, демократизация общества, защита прав человека, развитие образования, индустриализация, появление новых средств телекоммуникации и компьютеризация многих сфер жизни. Новые информационные технологии изменили роль традиционных «форм языка» – живой устной речи и традиционной (книжной) письменности; «аудиовизуальная культура» приводит к переоценке духовных и потребительских ценностей (в пользу последних), меняются пропорции между элитарной и массовой культурой. Высокое искусство уступает под натиском пропаганды и рекламы.

Польская языковая политика во многом опирается на традиции, возникшие в 19 веке, когда польский язык и польская словесность были едва ли не главным фактором сохранения национального самобытности, а потому особая забота о родном языке для поляков была залогом не только сохранения польской духовной культуры, но и возрождения польской государственности.

Забота о языке, о повышении речевой культуры (польские лингвисты используют термин «*kultura języka*») в послевоенные годы не ослабла. Показательна в этом отношении проведенная в 1947 году журналом «*Język Polski*» дискуссия, в ходе которой обсуждались ключевые понятия языкознания и культуры речи. Бережное отношение поляков к своему языку вызывает и осо-

бый интерес общественности к проблемам речевой культуры. Все это проявляется, например, в весьма активной научной и книгоиздательской деятельности полонистов, ориентированной на распространение культуры речи, образцового польского языка (ср. такие издания, как «Poradnik Językowy», редактором которого был В. Дорошевски, *Słownik polskich błędów językowych* С. Слоньского, *Słownik poprawnej polszczyzny* – 1973, 1999 гг.), в наличии на польском радио и телевидении различных развлекательных и просветительских программ, так или иначе связанных с польским языком (например, «Ojczyzna-polszczyzna» Я. Мёдка, регулярные общепольские состязания по орфографии, *Zabawy z językiem polskim* и др.).

Нелишним для оценки усилий польской общественности (прежде всего языковедов) и Х. Врубеля).

В одном томе практически невозможно описать все изменения, происшедшие в польском языке за полвека, и авторы по необходимости должны были делать выбор. Нередко случается, что такой выбор мотивируется не столько объективными факторами, сколько, так сказать, исследовательскими симпатиями авторов (иначе говоря, исследователь при прочих равных условиях предпочитает анализировать то, что ему более знакомо и более интересно). Человеку со стороны (каким является автор настоящей рецензии) трудно определить, не остались ли вне поля зрения некоторые процессы, объективно заслуживающие пристального внимания историка языка; нет сомнения, однако, что описанные в монографии изменения такого внимания достойны. Так, в главах, посвященных развитию лексики (авторы Смулкова и Жетельска-Фелешко), анализируются неологизмы двух основных «макрополей» – ЧЕЛОВЕК и ОБЛАСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, и вряд ли есть в языке тематические группы слов, которые являются более динамичными, чем названные.

Принципы описания, принятые коллективом авторов, наглядно представлены в главе об изменениях в области польской фразеологии (она написана В. Хлебдой). Начинается глава параграфом, в котором обсуждаются актуальные проблемы теории фразеологии. В основной части главы подробно проанализированы количественные и качественные (затрагивающие как форму, так и семантику) изменения, происшедшие в польской фразеологии за последние полвека, раскрыты лингвистические и экстралингвистические факторы, обусловившие эти процессы, выявлены источники неофразеологизмов. Заслуживают внимания наблюдения автора над «абсолютным» и «относительным» приростом (или убылью) фразеоло-

гических единиц польского языка (под относительным приростом понимается переход диалектной фраземы в общепольский язык, относительная убыль – это уменьшение частотности, сужение сферы функционирования, переход фраземы из активного запаса в пассивный). В заключительном параграфе автор подводит итоги, акцентируя внимание читателя, во-первых, на основных тенденциях в развитии польской фразеологии в послевоенный период (и на том, между прочим, что не только правительственных организаций в области языковой политики было бы упоминание о проведенных в 1984 и 1988 годах «Конгрессах культуры польского языка», о первой правительственной «Программе работ в области культуры польского языка» (1982 г.), о разработанной в конце 90-х годов Комиссией Культуры Польского Языка Комитета Языкознания ПАН «Программе польской языковой политики».

Вторая часть рецензируемого издания дает весьма содержательный обзор изменений, происшедших в звуковой и грамматической системе, а также в словообразовании и в лексическом составе польского языка во второй половине 20 века. Авторы раздела (Б. Дунай, П. Кшижановски, К. Вашакова, А. Грыбосёва, Т. Смулкова, Е. Жетельска-Фелешко и В. Хлебда) не только отмечают уже происшедшие изменения, но и выявляют их причины и тенденции развития.

В области орфоэпии и в словоизменении в новейшей истории польского языка наблюдается много сходного с тенденциями в русском языке. Ненормативные в прошлом варианты получают все большее распространение, в чем обычно усматривают так называемую *демократизацию* литературного языка¹. Ср. изменения в акцентуации слов с энклитическими формантами в речи рабочих и даже в речи новой интеллигенции (например, в формах прош. вр. глаголов, количественных числительных от 400 до 900 устанавливается ударение на втором от конца слоге, тогда как в среде старой интеллигенции сохраняется традиционная акцентуация – с. 73).

Общие с иными славянскими языками изменения обнаруживаются и в лексике и словообразовании. Отмечаемые здесь процессы называют интернационализацией (с. 97), но если говорить о новейшем периоде истории, то правильней было бы их определить как «инвазию англицизмов».

1 Впрочем, порой в современных СМИ появляются такие «образцы» речи, что термин *демократизация* представляется всего лишь эвфемизмом.

Книга эта ценна не только тем, что описывает новейшие изменения в польском языке, не обобщенные еще, по понятным причинам, в лингвистической литературе, но и тем, что дает целостное представление о достижениях польских языковедов как в сфере теоретической лингвистики, так и в области полонистики (что особенно ценно для зарубежных полонистов, не всегда имеющих возможность обратиться к первоисточникам). Почти каждый раздел монографии – от параграфа, посвященного описанию изменений в звуковом строе и произносительных нормах, до главы, в которой анализируются тенденции развития польского языка в зарубежье – предваряется изложением теоретических позиций и разбором имеющихся в данной области решений (нелишне упомянуть и о том, что каждая глава книги содержит богатые библиографические списки). Подчеркнем, что речь здесь идет не о традиционных для научных работ разделах, называемых «историей вопроса», а именно об описании развития теоретических знаний в той или иной сфере языкознания. Так, главу, посвященную изменениям в синтаксисе, А. Грыбосёва начинает параграфом, где кратко излагается развитие теоретической мысли в польской синтаксической науке 20 века (от трудов З. Клеменевича и Е. Куриловича до последних «синтетических описаний» польского синтаксиса в работах Р. Гжегорчиковой речевая практика людей неизменно отражала бурные социально-политические процессы, но и «язык также был одним из факторов, влиявшим на эти процессы» – с. 196), а во-вторых, на развитии теории фразеологии и фразеографии.

В третьей части монографии описываются закономерности функционирования современного польского языка в различных сферах общения. По объему эта часть превышает обе предыдущие, и это не случайно. Судя по всему, именно функционально-стилистическая область языка оказывается наиболее динамичной. Система языка стабильна, консервативна (и другой быть – по своей природе – не может), в то же время в сфере употребления языка – особенно обиходно-разговорного – весьма существенные изменения могут произойти «на глазах» одного поколения.

Открывается эта часть монографии редакторским теоретическим вступлением, в котором кратко характеризуется система вариантов (*odmian*) польского языка – функциональных стилей литературного языка, разговорной речи, жаргонов (социолектов) и территориальных диалектов.

Характеристика динамики различных вариантов польского языка открывается описанием изменений, происшедших в разговорной речи. Автор

главы (В. Любась) приходит к выводу о том, что в польском языке в 20 веке имела место своего рода «экспансия разговорности» (повышение образовательного уровня, миграции населения, развитие средств массовой информации и доступ к ним широких масс привели к значительному увеличению доли тех поляков, кто на некоем среднем уровне усваивал нормы литературного польского языка, а в обиходной сфере пользовался общепольским разговорным языком).

В главе, посвященной языку художественной литературы (*język artystyczny*) собственно лингвистическое описание уступает место поэтическому и литературоведческому анализу, а понятие варианта языка, функционального стиля (*odmiany*) сменяется понятием стиля как литературного направления (например, в разные периоды в польской литературе развиваются такие направления и стили, как соцреализм, псевдоклассицизм, неоавангардизм, сюрреализм, «лингвистический», «интеллектуально-дискурсивный», «синкретический» стили, «стиль военного положения» и др.). Историка языка здесь привлекают в первую очередь наблюдения «над языковыми экспериментами» в польской прозе и поэзии. «Эксперимент в синтаксической организации художественного произведения чаще всего заключался в применении техники “симультанализма” (в текстах-полилогах или для представления «одновременности процесса говорения и мышления» - с. 271-272). «Синтаксический симультанализм хоть и не имел широкого распространения, но интересен как пример модификации системной модели предложения» (с. 272).

В 70-е гг. «художественная революция» польских прозаиков привела к «расширению репертуара стилистических вариантов; в прозе появляется «игра интеллектуальными языками» – мифологии, психологии, историософии, искусствоведения, а также административным языком и языком СМИ» (с. 274).

В 90-е гг. в прозе утверждается плюрализм (жанровый, тематический, мировоззренческий, эстетический, стилистический) и своего рода культ интертекстуальности (с. 280), т.е. сознательное явное и неявное цитирование, насыщение текста аллюзиями (как отражение понимания того, что творимый текст не может не быть включенным в «интертекстуальное пространство»).

На широком экстралингвистическом фоне дается описание функционирования польского языка в научной сфере (С. Гайда). Характери стика изменений, происшедшие в научных стилях (интеллектуаль-

но-коммуникативных, научно-популярном, дидактическом, научно-практическом) предваряется кратким очерком развития польской науки в довоенные и послевоенные десятилетия, описанием научных принципов, парадигм последних десятилетий, особенностей историко-культурного и социального контекста, в котором развиваются жанры научной речи.

Социолингвистическая ориентация авторов монографии ярко проявляется в главах, где анализируются особенности языка политики (Я. Фрас) и административного языка (Е. Малиновска). В этих речевых жанрах еще в большей мере, чем в научных, функционирование языка обусловлено сложнейшим комплексом экстралингвистических факторов (в первую очередь политическими, идеологическими, экономическими). Понятно, что бурные социально-политические процессы второй половины века не могли не отразиться на особенностях языка СМИ и административных документов.

Исторические судьбы польского языка обусловили и некоторые особенности его развития в период социализма. «Новояз» в польском обществе, судя по всему, был менее развит. В период ПНР, когда образовался слой партийной бюрократии, создавшей (под сильным влиянием советского «новояза») свою «сакральную» фразеологию, изменилось отношение к обычному разговорному языку: реакцией на язык пропаганды стала «нобилитация разговорного стиля, который трактовался как естественный язык, язык правды...» (с. 237)².

В польской функциональной стилистике выделяют особый стиль – религиозный (церковно-религиозный), т.е. «язык, используемый людьми в рамках их религиозной деятельности» (с. 369). По известным причинам многообразные речевые жанры, относящиеся к церковно-религиозной сфере (Святое Писание, сочинения отцов церкви, богослужebные книги, молитвенники, проповеди, богословские труды, духовная поэзия и др.), в Советском Союзе не изучались, и далеко не во всех научных изданиях по стилистике выделялся церковно-религиозный функциональный стиль. Кроме того, имеется и объективный фактор, сдерживавший до известной степени исследования русистов в этой области, а именно то, что большая часть из перечисленных речевых жанров обслуживались церковнославянским языком (в основе своей, как известно, не русским). Тем интересней для

² В Советском Союзе наиболее резко это стилистическое противостояние официальной фразеологии было выражено в особом речевом жанре – политическом анекдоте.

русистики оказывается опыт польских языковедов, накопленный при изучении религиозного языка.

«Особенностью, которая коренным образом отличает религиозный язык от светского, является специфическая референция», ибо на языке религии говорится о сверхъестественных явлениях, недоступных эмпирическому познанию (с. 370). Заметим, впрочем, что и нерелигиозные тексты (фантастика, сказочный фольклор) обладают теми же референтными особенностями. На наш взгляд, более существенной семиотической особенностью религиозных текстов оказывается то, что называют сакральностью и боговдохновенностью. С рационально-лингвистической точки зрения боговдохновенность есть не что иное, как особое отношение к сакральным текстам пользователей (верующих); одни видят в этих текстах источники истинного знания, мудрости, поэтичности, для других семантика Святого Писания принципиально неисчерпаема, и они стремятся за буквальными значениями угадать некие тайные смыслы.

Подобно тому, как в русском «лингвокультурном пространстве» церковнославянская Библия стала одним из основных источников высокого стиля, созданный Я. Вуйком польский текст Святого Писания (в конце 16 века) превратил многие его выражения и формы в языковые средства с яркой стилистической окраской. И новые переводы Библии в немалой степени оцениваются с точки зрения того, насколько они сохраняют качества боговдохновенного текста. Эти стилистические особенности текстов Писания обнаруживаются и в иных жанрах церковно-религиозной литературы, несмотря на то что в последние десятилетия весьма активны были процессы их «обмирщения», сближения с современным польским языком, ибо, как подчеркивает автор (М. Макуховска), дух времени не может не отражаться на речевом поведении «пользователей языка религии», а «язык, отражающий современную ментальность, - это попросту их собственный язык» (с. 378).

Изменения в религиозном стиле в рассматриваемый период были, вероятно, столь же существенными, как и в языке публицистическом и политическом, особенно в тех речевых жанрах, для которых особо значимой оказывается функция воздействия на адресата (ср. церковную гомилетику и политическую агитацию и пропаганду).

Добавим, что обсуждаемые в данном разделе проблемы адаптации библейских и богослужебных текстов к речевым навыкам современных

носителей языка чрезвычайно актуальны и для русского православия, до сих пор использующего в богослужении церковнославянский язык.

Важное место в рецензируемом труде занимают разделы, посвященные изменениям в польских диалектах (Я. Мазур, Я. Зенюкова), в региональных вариантах польского языка (Б. Выдерка), а также в языке польской диаспоры (С. Дубиш).

Вне всякого сомнения, монография, обобщающая многочисленные исследования активных процессов в области фонетики, грамматики, словообразования, лексики и фразеологии, в семантической и стилистической дифференциации вариантов форм принесет неоценимую пользу любому языковеду, интересующемуся как вопросами истории языка, теоретическими проблемами социолингвистики и функциональной стилистики, так и, в особенности, вопросами полонистики. Не менее важна рецензируемая книга и с практической точки зрения. В первую очередь она должна заинтересовать преподавателя польского языка за пределами Польши. Ведь не секрет, что лингводидактическое и методическое обеспечение преподавания иностранного языка (вне данной языковой среды) всегда существенно отстает от нужного уровня (строго говоря, чаще всего учащимися осваивается кодифицированный книжный язык, на котором в обиходной ситуации никто не говорит, или обобщенный разговорный стандарт недавнего прошлого).

ВАЛЕРИЙ А. МИШЛАНОВ

ALEKSANDER WILKOŃ, *DZIEJE JĘZYKA ARTYSTYCZNEGO W POLSCE. JĘZYK I STYLE LITERATURY BAROKOWEJ*, Kraków 2002, 200 ss.

Neapolitański polonista, Aleksander Wilkoń, obdarzył nas w ubiegłym roku dwiema cennymi książkami. Pierwszą z nich zatytułował *Spójność i struktura tekstu. Wstęp do lingwistyki tekstu* (Kraków 2002, ss. 306). Omówił w niej m.in. „ponadgatunkowe struktury tekstowe”, powiązania między gatunkami a tekstem oraz problem typologii gatunków literackich i Nieliterackich. Jest to, jak widać z tej skrótovej prezentacji, fundamentalna monografia z dziedziny lingwistycznej tekstologii. Druga książka, wydana także przez Universitas, jest w pewnym sensie